

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Переяславцева
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НЕГАТОР

НЕГАТОР. ВЖИВАНИЕ НЕПРАВИЛЬНОГО ПОПАДАНЦА
НЕГАТОР. ИСПРАВЛЕНИЕ НЕПРАВИЛЬНОГО ПОПАДАНЦА
НЕГАТОР. ВРАГ СТАБИЛЬНОСТИ

Алексей ПЕРЕЯСЛАВЦЕВ

НЕГАТОР. ВРАГ СТАБИЛЬНОСТИ

Роман

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П27

Серия основана в 2004 году
Выпуск 563

Художник
С. Дудин

Переяславцев А.

П27 Негатор. Враг стабильности: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 409 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1929-6

Герой этой книги очутился в магическом мире. У него нет навыков бойца спецназа, нет оружия, нет способностей к магии. Ему удалось выжить и даже вжиться в новый мир. У него появилась команда из друзей и единомышленников, деньги, любовь, семья. И враги тоже. Сначала ими двигала простая зависть, и от таких удалось отбиться. Но потом в ход пошли могущественные силы, направляемые истинными владыками этого мира, радеющими о его стабильности, то есть об основах своей власти. Герою требуется мощное оружие, знание тонких извивов местной политики, искусство расставлять ловушки недругам, умение сделать обстоятельства выгодными для себя и рискованными для врагов. В этом мире получить клеймо «враг стабильности общества» очень опасно. Значит, требуется избежать этого или преодолеть угрозу, работая в основном головой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1929-6
© Алексей Переяславцев, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

Приношу самую сердечную благодарность:
Лилии Аркадьевне Бажан — за неизменно теплую и дружескую поддержку, а также за выловленные грамматические и смысловые ошибки;
Александрю Великовичу — за бескорыстную проверку моих идей в части теоретической магии; а также читателям Самиздата под никами:
Пасценди Доминик Григорьевич — за цепкость в части технологии, физики и логики;
aussy — за отменные фанфики (один использован) и благотворное влияние на логику повествования, особенно в части, связанной со спецслужбами;
Алмаз Альбертов — за хорошие советы и правки в самых различных областях;
Дмитрий Иванович — за ценные советы в химии и металлургии;
Крытик — за доброжелательную критику; а также многим иным, перечислить которых не в силах за нехваткой места.

Автор

ПРОЛОГ

Я — враг стабильности в том мире, куда я попал.

Стабильность здесь очень высоко ценится — настолько, что ее врагам завидовать не стоит. И все же я стал таковым, сам того не желая.

Я враг стабильности, поскольку этот мир наполнен магией, а я не только не являюсь магом — это еще могли бы простить — но гашу собой любую магию, где бы таковую ни встретил, хоть в вещах, хоть в людях. Мой ведущий аналитик назвала меня по этой причине негатором, но это слово я и моя команда стараемся не употреблять.

Я враг стабильности, ибо мне удалось открыть способ усиливать здешнюю магию путем специальной обработки кристаллов — если, конечно, держать эти кристаллы подальше от меня. Эта обработка (в сущности, не что иное, как полировка граней) дает настолько большие преимущества обладателю подобных кристаллов, что нарушает стабильность общества.

Я враг стабильности, поскольку создал команду, где есть и маги, и не-маги. У меня в ней доктор магии жизни, два лицензиата (один универсал, второй телемаг), один магистр магии телепортации, да еще туда входят мастер по гранению кристаллов, мастер-оружейник (это благодаря ему у нас есть магические винтовки, пистолеты и аналог артиллерии) и небольшие вооруженные силы во главе с бывшим лейтенантом армейской разведки. Это бы еще ничего, но маги высшего ранга в ней подчиняются магам низшего ранга (иногда), а то и не-магу. Это нарушение установленного порядка, то есть направлено против стабильности.

Я враг стабильности, потому что у меня в команде делают карьеру люди, которых не должно подпускать к таковой.

Маг-универсал здесь считается обреченным навсегда на ранг бакалавра и не более, а я своего довел до лиценциата. Другой из моих лиценциатов должен был остаться на уровне бакалавра ввиду своей не слишком востребованной специальности. Двое подмастерьев, правда, не стали мастерами номинально, но их уровень стал вполне мастерским.

Я враг стабильности, поскольку изобретаю в области техномагии. Мою гражданскую продукцию (например, судовые двигатели, стеклянные вазы и стаканчики) терпят, но среди моих изделий числятся винтовки на основе магии. Они по боевым качествам лучше здешних арбалетов, которые запрещены властями (Академией магов). А уж магические гранатометы (на самом деле это скорее артиллерия) и вовсе имеют запредельную мощь, которая далеко превышает возможности здешних боевых магов.

Вероятно, есть еще причина, по которой я числюсь врагом стабильности, потому что на мою особу выдан заказ Гильдии наемных убийц. Кто заказчик — не знаю. Пока что я жив. И придется приложить большие усилия для сохранения такого положения дел.

Я враг стабильности здешнего мира. Термодинамика гласит, что если система нестабильна, то она стремится перейти в такое состояние, чтобы снова стать стабильной. Но эта наука не оперирует со временем как с переменной и потому ничего не сообщает о том, как долго совершается указанный переход.

ГЛАВА 1

— Моана, прошу вас, объясните в подробностях вашу идею.

Именно этими словами я попытался извлечь из провалившегося мозгового штурма хоть что-то полезное. Госпожа доктор магии жизни начала излагать:

— Видите ли, я не думаю, что Гильдия наемных убийц насчитывает очень большое количество человек. Иначе ее бы раскрыли. Насколько мне известно, у нее много врагов...

Я счел необходимым перебить:

— Простите, вы можете подтвердить фактами, что у нее много врагов? Мне представляется, все ее враги уже мертвы.

— Вы не правы. И вот вам пример: смерть академика Дирам-она. Дело давнее, тому прошло... э-э-э... много лет, но я все еще хорошо его помню. Заказчиков так и не нашли — и знаете почему? Все, кому убийство было выгодно, имели безупречное (непонятное слово)...

После короткого объяснения в моем словаре появился перевод слова «алиби».

— ...у них в этот момент было заседание... так вот, все цепочки, ведущие к гильдии, были оборваны. Я хочу сказать, появились еще четыре свежих покойника, допрос которых ничего не дал...

«Допрос покойника» — никак не могу привыкнуть к этому словосочетанию.

— ...между тем лиц, заинтересованных в раскрытии, было немало: все связанные с академиком магии, человек примерно двадцать, в том числе два кандидата в академики. И ничего в результате. Подобных случаев накопилось порядочно. Делаю вывод: гильдия малочисленна. Раз так, они должны высоко ценить своих... э-э-э... работников. Тогда наша задача — всеми

силами создать у гильдии... э-э-э... дефицит подготовленных кадров.

Изящно сказано. А как этого добиться? В голове ни единой умной мысли.

— Вот что, ребята, давайте сделаем перерыв. Подумаем еще раз как следует, а наутро соберемся еще раз.

Сказанное, разумеется, я отнес и к себе тоже. Как следует проанализировав создавшееся положение, я пришел к выводу: ДУМАТЬ ВРЕДНО!

А полезно, оказывается, думать хорошенько. Этим я и занялся.

Тот выход, что надумала Ирочка, — не выход. Она предложила мне скрыться от гильдии наемных убийц где подальше. К сожалению, моя милая руководствовалась врачебным принципом «Не навреди!» Ей простительно, она целительница, а мне надо прикидывать варианты всякого рода, в том числе перспективные. Вывод: издалека я не смогу эффективно руководить своими, это может привести к нехорошим последствиям. К тому же целиком защитная тактика хороша, если у противника ограниченные возможности и ресурсы. А о таких мне совсем ничего не известно.

Если же я останусь в поместье, придется применить подход, предложенный Моаной: потихоньку избавляться от чужих наблюдателей. И делать это до тех пор, пока гильдия не сочтет, что заказ становится невыгодным. Замечательный подход, прямо чудодейственный, неясно лишь, как его осуществить. На сегодняшний день гильдия уже доказала, что мы не в состоянии обнаружить их людей стандартными средствами. Значит, надо делать нечто нестандартное... А что?

Сцена, которую я видеть никак не мог

— Милая, у меня появилась идея. Совершенно безумная, и командир ее наверняка не одобрит, но сработать может.

— Выкладывай.

— Мне Шахур для этого нужен.

— Я за ним схожу.

— Сиди смирно, тебе много ходить вредно. Я сам его позову.

— У тебя определенно пробелы в практической магии жизни. Хотя нет, это к магии не относится, скорее к целитель-

ству. К твоему сведению, умеренная ходьба полезна беременным. Не веришь — спроси у Иры.

— Ладно, верю. Пойдем вдвоем.

Через пять минут в комнате Моаны уже было трое магов.

— Шахур, у меня появилась идея, как выловить наблюдателя... я хочу сказать, как его обнаружить, но для этого понадобишься ты.

— Валяй.

— Идея вот в чем: обнаружить магические переговоры и взять пленг... это морское выражение, оно означает «засечь направление». Если мы с тобой вдвоем с разных точек отметим направление... ну, как линию на карте... то пересечение этих линий и будет то место, где сидит наблюдатель.

— И выходит, нам сидеть в этих местах и ждать, пока соглядатай заговорит?

— Нет. Вынудить его заговорить. Есть способ.

Эффектная пауза.

— А способ вот какой: представь себе, как командир с группой охраны выезжает из поместья. Наблюдатель должен передать весть о его выезде следующему по цепочке. Вот тебе и одно сообщение. А если вдруг не удастся с первого раза засечь, то через пяток минут нашу группу догонит... да кто угодно, хотя бы еще один солдат, и передаст командиру записку. Тот прочитает и отдаст команду ехать обратно. Тогда должно пойти еще одно сообщение, и уж его-то наверняка мы используем для пленгации. Ну, что скажете?

— Допустим, мы найдем место, где этот тип прячется. А что с того толку?

— Вышлем пару стрелков. И они его прихлопнут. Может быть, даже удастся допросить.

— Можно мне сказать? Не возлагайте больших надежд на допрос. На месте гильдейских я бы предприняла все меры, чтобы труп ничего не рассказал. Уж не говорю о том, что ты, дорогой, в некромантии не особо силен, да и я тоже. Вот разве Тугур... хотя не уверена, что его стоит привлекать. Ну ладно, это решит Профес. Но есть еще соображение. Сколько вам времени нужно, чтобы настроиться на чужой кристалл — имею в виду, чтобы услышать чужое сообщение?

Лиценциаты переглянулись. Потом слово взял Шахур — все же это была его специальность.

— В той диссертации не было сказано, но, полагаю, минута, не меньше... или две... Но тут есть вот что. Чем ближе перегаривающиеся кристаллы по свойствам, размеру и форме — тем легче идет настройка.

— Короче, вы не пробовали, а знать заранее, какие кристаллы использует противник, никак нельзя. Тогда вопрос: а что, если время настройки будет больше, чем длительность сообщения?

Молчание. Потом Сарат робко проблеял:

— Можно попытаться сделать самопоиск... чтоб сам кристалл искал... точнее, два кристалла... нет, что я говорю — три кристалла...

Шахур сильно приободрился:

— О! Вот именно, что три кристалла. Главный по магсвязи — рутил, у нас он точно есть. Управление... да хотя бы аметистом, их много, задействовать через галенит.

Но особо почтенная упорно продолжала наводить критику:

— Допустим, вы сделаете... нечто этакое. А как быстро ОНО будет действовать?

Тут уже Шахур был в своей стихии:

— А проверить экспериментально! Кто-то из наших... безразлично, кто... выходит с невинным магическим сообщением, скажем, таким: «Раз, два, три, четыре, пять, вышла норка погулять, вдруг мышонок выбегает, норку ловит и съедает...»¹ Засекаем время с начала сообщения, потом момент, когда сигнал ловится. Ну, что скажете?

Госпожа доктор магии утратила кротость, каковая вообще-то никогда не была ей присуща:

— Скажу, что ничего глупее придумать нельзя. Твое счастье, что ты не у меня на экзамене... Ну-ка, поставь себя на место того, кто подслушает ТЕБЯ: что он подумает?

— ...

Сарат перехватил нить беседы:

— А ведь верно: я, например, подумал бы, что это некий шифр.

— Именно. А нужна фраза, которая...

Тут Моана на секунду замялась, пытаясь сформулировать требования. Но Шахур уже нашелся:

¹ Стихотворение дано в моем вольном переводе с маэрского. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Вот! Сколько угодно! Совершенно нейтральные фразы: «Первый, проверка связи. Первый, я тебя не слышу. Первый, повторите. Первый, проверка связи...» Все в таком духе. Как вам?

— «Похвально», если уж речь идет об оценках. Не хватает завершающей фразы после, скажем, первой минуты.

— Пожалуйста! «Да провались все к Темному, ничего не слышать!» И связь выключается.

На этот раз все засмеялись, а Сарат подвел итог:

— «Весьма похвально», даже по меркам Хорька. И все же остался вопрос: а что потом? Мне кажется, вопрос о ловле всяких посторонних — это в ведении Тарека.

— Мог бы его назвать «особо почтенный Руфан-ом», а не Хорек, — чуть обиженным тоном возразила Моана.

— Я его буду звать именно так... с того момента, когда он поставит студенту «превосходно».

Шахур попытался сделать вид, что откашливается. Он уже хотел переменить тему, когда это сделала Моана:

— Тут у меня вышел разговор с командиром. Он задал вопрос... сначала я сочла его идиотским, но потом вспомнила... короче, вот такая возможность существует...

Последовал рассказ о перedelке человеческого организма с целью обострения органов чувств.

Лиценциаты выслушали внимательно. Шахур хмыкнул. Сарат почесал в затылке.

— Насколько я помню твои же лекции, серьезное улучшение возможностей достигается лишь перedelкой этих самых органов чувств. Да и то... в учебнике написано, кстати, что орлы — при том, что видят вдаль превосходно, — не различают цвета. Одно за счет другого. Перedelка... хм... Положим, зрение в этом не нуждается, если есть бинокль. А вот обоняние... да и слух тоже... То есть бинокль отпадает... Отсюда кое-что следует. Когда наш наблюдатель увидит ихнего, пусть обратит внимание на какие-то необычные черты... крупные глаза, например, или там длинный нос.

— Хорошо бы доставить этого человека вам, Моана, на вскрытие. Уж вы-то не пропустите анатомические особенности.

Моана до этого никогда не слышала комплиментов от молодого лиценциата. Потрясение было настолько велико, что

доктор магии чуть ли не автоматически ответила благодарственным поклоном-реверансом, хотя таковой (при обращении к к магу низшего ранга) считался явным нарушением этикета.

— Вот еще вопрос, милая. Если бы ТЕБЕ поставили задачу: как сделать, чтобы человек сохранял молчание после смерти — как бы ты за такое взялась?

— А это зависит от того, кто пытается разговорить труп. Если бы я рассчитывала на твои усилия, то тут просто устанавливается постоянный конструкт, который по остановке сердца стирает узловые точки магических потоков. Мало-мощный и недорогой. Мне на тридцать минут работы, да чего там: даже ты справился бы... часа за три. А вот если противодействие на уровне доктора магии разума... тут как раз доктор и нужен. Тоже конструкт, после смерти быстро разрушает структуру тканей головного мозга. К тому же неустойчивый, его регулярно подновлять надо. Мало того, эти два конструкта могут мешать друг другу. Очень дорогостоящая работа сама по себе, а самое скверное: подновление конструкта, если его делает не тот, кто установил, требует примерно таких же усилий, как его создание. Говорю, сложная вещь. Одна такая вот задачка — это стабильный доход для доктора магии жизни на весь срок жизни пациента. Можно позволить себе ничем другим вообще не заниматься...

На этом моменте рассуждений взгляд Моаны вдруг утратил осмысленность. Вместо точных и логически безупречных пассажей умная и проницательная женщина понесла полную околесицу:

— Так вот почему он умер... выходит, сменил практику... теперь понимаю... значит, каждые две недели... и с тех пор не было... ну почему я тогда не догадалась... выходит, многие знали, только я не знала...

Оба лицензиата не на шутку испугались. К счастью, особо почтенная быстро пришла в себя. На взволнованные вопросы последовали четкие и ясные (как обычно) ответы:

— Не переживай так, милый, я в полном порядке. Было совершено преступление. Я его только что раскрыла, но обнаружение смысла не имеет. Дело очень давнее; и жертва, и преступник мертвы. По сути дела могу добавить вот что: последние... я хотела сказать, в последнее время никто, повторяю, НИКТО из магов жизни не практикует подобные вещи. На

этот счет есть неопровержимые данные. Но могу сообщить еще кое-что. Ты знать этого не можешь: уровень магистра. Ткани головного мозга после смерти распадаются сами по себе, а это и есть защита. Если, сверх того, магические узлы разрушены тем конструктом, о котором я говорила, то через сутки — самое большое, даже я не смогу ничего прочесть. А вообще-то для распада хватает и нескольких часов.

Сарат всеми силами старался вести разговор в деловом ключе:

— Ну а если я буду рядом и поддержу сердце? И одновременно наложу «Частичный паралич»?

— Но конструкт, уничтожающий узлы, все же останется.

— Наш командир мог бы затереть конструкт.

— Да, но для этого ему надо подойти близко и быстро.

— Нереально...

— С вашего разрешения, господа, подведем итоги. Получить какую-либо информацию от наблюдателя мы сможем только при огромном везении. Рассчитывать на это нечего. А вот доставить его ко мне — разрешимая задача. Вскрытие — ну, это наше девичье дело...

Шахур не удержался от смешка.

— ...а на вас две системы поиска. Тарека привлечь немедленно, у него мозги работают, он может еще что-то предложить. Вопросы? Дополнения?

— Есть дополнение: часы понадобятся. Начать передачу в точно отмеренное время, а также оценить длительность поиска.

— А вот на это я могу ответить. Часы есть, три штуки, только позавчера доставили. Полная регулировка по всем правилам, я проверил. Так что, пригласим лейтенанта на обсуждение?

Оказалось, что бывший разведчик тоже думал над заданием. Но только делал он это со своих позиций.

— Понимаете, ребята, я стал прикидывать вот что: а как наилучшим образом расположить наблюдателя? Вводная: никак не ближе полумили, иначе есть риск, что засекут; обязательен хороший обзор, причем так, чтоб был виден вход в дом и въездные ворота.

На столе появился план поместья с окрестностями.

— В плане наблюдения идеальное место — вот этот холм. Все видно. Но я бы не стал располагать там своего человека.

— ?

— Очень открытая позиция. Если понадобится срочно отступать, это не сделать незаметно.

— Я уже говорила: такие... специалисты по наблюдению очень дороги. Следовательно, их берегут. Я бы приказала такому ни в коем случае не рисковать. Отсюда следует...

— ...что вот тот холм предпочтителен, пусть даже он дает худшие возможности для наблюдения.

— Выходит, стоит понаблюдать за этим холмом в бинокль?

— Вряд ли. Если тот хорошо замаскировался, ничего мы не увидим.

Все это было доведено до моего сведения. В целом результаты команды меня обрадовали, что я и выразил вслух. Куда менее успешны были мои собственные усилия. Пока мои товарищи плодотворно трудились, я тщетно пытался вычислить, какой организации я столь сильно стал поперек дороги.

Напрягшись, я попытался включиться в мозговой штурм:

— Ребята, а зачем, собственно, следить за въездом в поместье?

Тарек, судя по лицу, сообразил, а остальные не поняли.

— Противнику важнее знать, куда я направляюсь. Отсюда попытаться представить расположение наблюдателей. Какие варианты?

— Поставить наблюдателя у перекрестка. Если оттуда ты на север — это в город, если на запад — в порт Хатегат, на восток — в Субарак. Отдельные наблюдатели — по пути. А если людей не хватает — на въезде в каждый населенный пункт.

Возражений не было.

— Где бы ты расположил наблюдателя у перекрестка?

— К востоку слишком ровная местность, да и весна к тому же, трава не подросла. С запада — местами кусты, но опять же листва весенняя. Хотя можно. К северу полно крупных камней, а между ними прошлогодняя трава. По мне так наилучшее место. Но только не слишком близко к дороге, а то отступать неудобно. Пятьсот ярдов от дороги — вот подходящая дистанция. Даже если наблюдателя увидят, он в два счета скроется среди камней, и мы его не догоним. На коне там лишь шагом проехать.

— Но я бы проверил и тот холм, о котором ты раньше говорил. На всякий случай. Послать того же Вахана с мощным биноклем на чердак.

— Почему на чердак?

— Там темно. Не видно перемещений человека. Опять же не надо бояться, что стекло блеснет на солнце. Лучше пусть смотрит из того окна, что ближе всего к северной стороне.

— Причины?

— Дальше всего от входа.

— Ладно, сейчас распоряжусь.

ГЛАВА 2

Сцена, которую я видеть никак не мог

Сударь комендор взялся за поручение со всей ответственностью. Пошарив взглядом по холму в течение получаса, он не нашел никого. Но потом мой снайпер решил творчески переработать приказ и стал прикидывать: а где бы он сам устроил лежку для стрелка? Вахан обследовал холм биноклем медленно и последовательно, то есть именно так, как его учили более опытные разведчики. И первым делом он подумал: а что надо сделать для полной незаметности прихода и ухода?

Выбор был не особенно богат: две цепочки не особенно густых кустов по обе стороны холма, а то, что было между ними, не очень-то подходило: трава только-только пустилась в рост, в ней спрятаться трудно, а перемещаться незаметным образом вообще невозможно.

Снайпер оценил правую цепь кустов. Проползти, маскируясь за ними... пожалуй, можно. Позицию выбрать за передним кустом. Листва не особо плотная, но все же маскирует.

Мысленно прикинув, как должен перемещаться наблюдатель, снайпер мысленно же отверг эту позицию. Да, со стороны дома засечь движение невозможно. Зато со стороны дороги — запросто.

После этого анализу подверглась левая группа кустов. Укрытие она предоставит примерно такое же, но со стороны дороги наблюдателя закроет возвышение холма. Пожалуй, левая полоса кустов подойдет лучше.

Через час кропотливой и нудной работы Вахан сдался. Но

как любой старательный военнослужащий, он пошел докладываться непосредственному начальнику.

Лейтенант Тарек знал, что умение метко стрелять и навыки вести разведку (в частности, умение замечать то, что от тебя стараются скрыть) — совсем не одно и то же. Вот почему с его стороны последовало предложение еще раз взглянуть на тот холм, но уже вдвоем.

Очутившись на чердаке, бывший командир взвода разведки первым делом потребовал от подчиненного подробного рассказа о том, как он действовал и что при этом думал.

Потом взял тяжеленный бинокль и стал рассматривать холм. Через четверть часа лейтенант обернулся к подчиненному:

— Наблюдателя я не вижу. А смотрели мы хорошо. Возможно, что его и вправду нет.

Последовало задумчивое:

— Наблюдателя нет.... Теперь что же, докладывать командиру?

— Именно.

Получив доклад, я отпустил ребят на время, а сам сильно задумался.

Допустим, наблюдателя и в самом деле нет. Что это может означать?

Первое, что пришло в голову, — заказ на мою особу вообще отменен. Мысль приятная, что и говорить, но подтверждающих фактов у меня нет. Отставим.

Со всей очевидностью покушавшиеся думали, что я слаб в магии смерти. Два заклинания этого вида магии подряд — вполне себе основание для такого вывода. Откуда они такое взяли? Не так это и важно; допустим, это значит в моем досье. Гильдия убийц взяла его, скажем, от заказчика, это дешевле всего. А на поверку выяснилось, что не такой уж я слабак. Любой нормальный предприниматель выскажет «фе» — что ж вы, ребята, даете неточную информацию? Начнется бодание, это время. А дальше? Дальше я бы потребовал за такое дополнительную плату: гильдия понесла расходы. В идеальном для меня случае заказ отменят. В неидеальном... последует что-то вроде: «Ах, извините, накладочка вышла, вот вам

еще мильёнчик, только вы уж постарайтесь». Это значит: через какой-то промежуток времени слежка возобновится.

Что делать? Для начала убедиться, что слежки на данный момент нет. Как? Пока вижу только один способ: пытаться перехватить сообщения в магоэфире. Если активность есть — ну, тогда строить планы по наблюдателям. Если нет — отслеживать эфир ежедневно. А можно ли это сделать автоматически? Вопрос к Шахуру.

Еще одна сцена, которую я видеть никак не мог

Сарат был встречен механиком со всеми почестями, а именно: уверениями в совершеннейшем уважении, пожеланиями здоровья, а также стаканчиком (стеклянным!) водки. К вышеперечисленному был приложен увесистый мешочек — доля с продаж. Но к делу перешли довольно быстро.

Передача магических двигателей вкупе с оправами управления и инструкциями по применению таковых заняла, как ни странно, час. После этого завязался боковой разговор.

— Видите ли, достопочтенный...

— Дорогой Фарад, я слишком уважаю ваше мастерство, чтобы позволить вам именовать себя столь официально...

Поклон.

— ...поэтому называйте меня просто по имени.

— Да будет так. В прошлую нашу встречу высокочтимый Профес-ор высказал... заинтересованность в найме искусных металлистов, причем не обязательно мастеров.

Многозначительная пауза.

— Передайте ему, что я нашел таковых.

— Уважаемый Фарад, я с радостью сообщу эту, несомненно, хорошую новость. Но ведь он спросит о том, кто такие предложенные вами... умельцы?

Не было сказано: «Почему выбор пал на них?» Но Сарат рассчитывал, что его поймут — и не ошибся.

— Первый из них по уровню — мастер Валад-им, известен под прозвищем Хромой Валад. Он и вправду хромает, но у него никогда не бывает достаточно денег на услуги мага жизни...

Сарат сделал мысленную отметку в памяти.

— ...этот мастер весьма знающ и в прокатке металлов, и в штамповке, равно искусен в литье и ковке. Но...

Совсем короткая пауза. Но тоже весьма значительная.

— ...в гильдии он числится возмутителем спокойствия. Постоянно придумывает новые варианты обработки металлов. Это не очень-то одобряется. Методы, позволяющие получать изделия быстрее, например; или, скажем, ситуация, когда за ту же стоимость технология позволяет получить изделие лучшего качества... Короче, такие нововведения подрывают стабильность в пределах гильдии.

Слово было сказано, пусть и с оговоркой.

— И это не все. У мастера есть также личные неприятные черты...

Это было произнесено с абсолютным бесстрашием. Пожалуй, даже чрезмерно нейтрально.

— ...а именно: он неизменно вежлив в обращении с подмастерьями и даже с учениками (хотя ошибки замечает и отмечает), но не проявляет должного уважения к мастерам. Я имею в виду, к некоторым мастерам.

Лицензиат, в свою очередь, сделал невозмутимое лицо, хотя намек был прозрачен:

— Понимаю. У вас в списке только один мастер?

— Да. Остальные — подмастерья. Вот, извольте ознакомиться...

На столе появился список имен и адресов.

— Что же движет ими?

Фарад явно был готов к этому вопросу.

— У этого налицо стремление перейти к другому мастеру, поскольку он считает, что, работая на своего нынешнего мастера, лишен возможности расти. Не подумайте дурного, никаких личных конфликтов, всего лишь недостаточность (по мнению подмастерья, конечно) знаний мастера. Но переход к другому в рамках гильдии — практически невозможная вещь. Требуется согласие Совета гильдии...

Понимающая улыбка. Такая ситуация была вполне знакомой.

— Вот этот подмастерье, как я о нем слышал, трудяга. Работает за троих. И его мастер совершенно не заинтересован в потере такого работника путем продвижения его до уровня мастера. Да и платит — по мнению подмастерья, понятно — недостаточно.

Сарат кивнул. Подобные истории он слышал много раз, только в применении к бакалаврам.

— А вот этот — особенный. Я немного знаком с его наставником; так вот, он горько сожалеет о том, что в свое время сделал молодого человека подмастерьем, а не оставил в учениках. Похоже, Пресветлые возложили знак на голову этого парня...

Сарат от души удивился, хотя виду, ясное дело, не подал.

— ...в результате знания огромные, а умения... с тем же успехом он мог бы работать ногами. Но мастеру не нужны ученые, он и сам достаточно сведущ в своем деле. Ему нужны хорошие руки в первую очередь. А работник из этого подмастерья... сами понимаете. Это тот редкий случай, когда Совет гильдии согласился бы на переход. Да вот беда: никто такого брать не захочет.

Сарат очень сомневался, что и командир согласится на этакое, но отказываться заранее не стал.

— Что ж, дорогой Фарад, спасибо вам за сделку. Надеюсь, она была небезвыгодна для вас. Также благодарю за список, но тут, как вы понимаете, решаю не я один.

Последовал поклон, который Сарат посчитал учтивым. Посторонний человек так бы не подумал: очень уж телодвижение противоречило выражению физиономии мастера, но молодой маг уже хорошо знал механика. Однако разговор со стороны лиценциата еще не был закончен:

— Разрешите еще кое-что добавить.

— Сундук моего внимания готов принять золото ваших мыслей.

— Профес-ор полагает, что те мастера, которые купили наши двигатели...

По мнению Сарата, такая лесть была отнюдь не вредной.

— ...через примерно полгода выразят желание усовершенствовать механизмы — точнее, увеличить их мощность. Мы всегда готовы пойти навстречу таким покупателям...

На лице механика также отразилась полная готовность пойти навстречу — за приличные деньги, понятное дело.

— ...и, разумеется, мы были бы весьма рады, если список, что вы мне дали, пополнится. Профес-ор полагает, что может предложить этим людям... некоторые новые возможности.

Конечно же последовали обещания сделать все в соответствии с пожеланиями высокочтимого.

Мы проверили возможности наших кристаллов практически. Отладка нужной структуры заклинаний заняла целый день. Я не удивился, поскольку понимал всю новизну подхода. На следующее утро мои бойцы-антисвязисты тихонько выскользнули через окно (то, которое оставалось невидимым для потенциального противника) и незаметно отошли на расстояние полукилометра от здания. Получив сигнал об их готовности (знак белыми платками) я выехал в сопровождении двоих солдат, а через пять минут за мной галопом помчался солдат с «запиской». Он, конечно, нас догнал, я «прочитал» и дал отмашку на возвращение.

Вопреки ожиданиям, мой главный связист отнюдь не торопился с докладом. Но когда он появился, то имел несколько пасмурное выражение лица.

— Значит, так, командир. Совершенно ничего... то есть хочу сказать, что в пределах возможностей нашего прибора...

Я удивился столь нетривиальному сообщению. Лишь через несколько секунд до меня дошло, что пеленгация и даже перехват — дело все же не мгновенное.

— ... то есть если бы было сообщение длительностью более семи секунд...

Я тут же пересчитал на земное время — вышло три секунды.

— ...мы бы его засекали. Но никаких следов.

— Все равно хорошая работа. Вызывай Тарека, будем прикидывать, как запеленговать второго, если он, конечно, есть.

Пеленгация вместе с подготовкой заняла меньше времени, поскольку нужная структура заклинаний уже была создана. Но результат был тем же.

Пришлось снова работать головами.

Предложения устроить секреты вблизи предполагаемых позиций наблюдателей отверг Тарек. Он опасался возможности раскрытия своих людей, если враги и вправду имеют повышенные возможности в части слуха, нюха и зрения.

Сарат предложил установить сигнализаторы с ретрансляторами. Немедленно разгорелся спор. Особенно горячился Шахур:

— Как определить точно позицию наблюдателя? Твой... ну

ладно, наш... амулет даст сигнал, что в радиусе пятидесяти ярдов кто-то есть. И все! А если этот тип выйдет из его радиуса действия?

На этом месте у меня прорезалась некая мысль.

— Стоп, ребята. Вопрос ко всем сразу: возможно ли сделать так, чтобы сигнал от чужака различался в зависимости от сигнализатора?

— Конечно, можно.

— Точно, можно.

— Тогда пусть, скажем, дается световой сигнал от каждого амулета по отдельности. А кристаллы-излучатели сделаем маленькими — нам ведь мощный свет не нужен — и поместим прямо на карте. Наблюдатель будет идти по местности, а мы по загорающимся сигналам — следить за его перемещениями. Что на это скажете?

Шахур соорудил скептическую мину.

— Да, с десятков подобных сигналок задействовать можно. Даже два десятка, но...

— Но?

— А что, если у противника есть амулеты против отслеживания?

Я сел в лужу. Она была мокрая и неудобная.

— Ребята, разъясните мне принцип действия таких устройств.

Сарат принялся блистать эрудицией:

— Принцип вот какой: каждый человек излучает магические потоки, которые, собственно, и ловятся сигнальным амулетом. Погасить эти потоки нельзя. Но можно установить излучатель-компенсатор этих потоков... короче, он сводит их почти до нуля. В результате сигнальный амулет все же чувствует присутствие чужака, но лишь на расстоянии, скажем, ярда два-три. А то и меньше, если гаситель хороший. Правда, для наших кристаллов можно задействовать повышенную чувствительность. Им нипочем, у них энергии надолго хватит.

Попробую-ка роль адвоката дьявола:

— А как защищаться от ложных срабатываний? Если, скажем, корова пройдет или олень? А то и дикая норка.

Поначалу я задумывал использовать сигнализатор на инфракрасное излучение, поскольку вторжение наблюдателя

предполагалось утром, в прохладную погоду. Но как раз боязнь ложных срабатываний меня и остановила.

— Так ведь структура магических потоков у человека совсем другая. Настроить на нее — и вся недолга; задача для студента третьего курса.

— Тогда резонный вопрос: а как зависит эффективность сигналки от величины кристалла?

Но и на этот вопрос нашелся ответ, причем вспомнили его почти одновременно оба моих лицензиата:

— Было такое в курсе практической магии...

— Точно. Пропорционально квадратному корню из линейного размера при прочих равных...

— Ну приблизительно будет... если кристалл бесцветного кварца...

— ...а еще лучше желтого...

— Нет, цитринов у нас мало. Семидюймовый бесцветный спокойно будет ловить... э-э-э...

— ...в радиусе двадцати ярдов — точно.

— Стоп, я все понял. Сколько у нас таких кристаллов?

— ...

— Не к нам вопрос, к Сафару. Он знает наверняка. Да, кстати: розовый тоже годится.

— Как насчет аметистов?

— Не пойдут. Насколько помню, у нас просто нет таких крупных. И потом, он сам по себе немного хуже бесцветного: резонанс потоков для аметиста — на уровне...

— Хорош! Все понятно. Ты позови Сафара, а ты сходи за Тареком.

Мастер по огранке не подвел: количество материала он знал наизусть. В результате выявились девять кристаллов, которые Сарат охарактеризовал как «то, что надо, без сомнений», и еще восемь, обозванных «так себе, разве что дыры затыкать».

Способ расстановки вызвал самые горячие споры. У нас явно не хватало кристаллов для размещения сигналки на обоих местах (у перекрестка и вблизи входа в поместье) с полной гарантией перекрытия всех направлений вторжения. В конце концов согласились на том, что позицию у перекрестка перекроем наглухо, а позицию у дома — по возможности. Весь

остаток дня у нас заняла проработка плана завтрашнего закидывания сети на потенциального злодея.

Мы все спланировали верно. Мы аккуратно расписали местоположение сигналок и порядок их установки. Мы предусмотрели все действия противника. Но погоды мы не предвидели. Дождь начался еще до рассвета и лил равномерно весь день. По этой причине план рухнул.

ГЛАВА 3

Дождь был не из тех, что наводят депрессию — нудных, мелких и противных. Нет, это был вполне себе полноценный осадок, и я уже подумал, что речка класса «переплюйка», что к западу от дома, может стать ревушим потоком. Идти куда-либо по такой погоде — занятие для мазохистов. Вот почему, поглядев на пузыри, лопающиеся на поверхности луж, я стал прикидывать: а что можно сделать сегодня в доме?

Позаниматься с Ирой химией — очевидно. Поговорить с Натой по-русски — вне сомнений. Дать задание Сафару сделать полноценную огранку одному циркону — тоже нужно. Ведь уже давно было намечено. Должен получиться мощный магический усилитель. Схему я ему уже выдал.

Химия заняла не так много времени: очень не хотелось переутомлять Ирочку. Ната вдохновенно пересказала мне (по-русски, ясное дело), как люди готовят еду и как обедают, за что получила очередную сказку — на этот раз я рассказал ей про умную и находчивую норку в сапожках. А потом я попросил Моану зайти ко мне в комнату, особо подчеркнув, что разговор совсем не срочный.

Когда та появилась на пороге, я подумал, что все же хорошо быть магом жизни. Беременность особо почтенной можно было бы угадать только по форме животика (впрочем, для этого надо было как следует приглядеться), зато на лице у нее светился нежный румянец, глаза блестели, выражение лица наводило на несвоевременные мысли, а уж токсикоз там и близко не проходил.

После взаимных приветствий я приступил:

— Моана, я давно хотел попросить рассказать мне о том,

кто такие Пресветлые, Темный и какова их роль в жизни Марэры?

Выражение игривости мгновенно исчезло с лица госпожи доктора.

— Я, в свою очередь, уже давно удивляюсь, почему вы этого раньше не спросили. Но ответить быстро я не сумею. Кроме того, не уверена, что мой ответ будет точен, а уж о полноте и не заикаюсь.

— И тем не менее...

— Ну хорошо. Это верование очень древнее, самые старые сведения о нем суть лишь пересказ... того, что не сохранилось.

Тут голос Моаны странным образом изменился. В нем появились незнакомое мне звучание.

— Изначально их было трое, и сотворили они наш мир из частицы Света Истинного, отблеск которого носили в себе. И силой воли своей установили Со-Творители законы, по которым этот мир развивался, но сами в развитие не вмешивались, пока в соответствии с этими законами не появился в мире другой разум, разум человека, которому по замыслу творения предстояло расти до величайших высот. Но столь невелик и слаб этот разум был вначале, что не мог удержать в себе не только отблеск Света Истинного, но даже отблеск от Пресветлых. Вот почему в глубочайшей древности люди не владели магией. Но проходили тысячелетия, и тогда захотели двое Со-Творителей наложить отблеск свой на человечество. Третий же из них, которого позднее прозвали Темным, стал оспаривать это решение, указав, что все еще слабы разум и дух человеческий и неспособны люди достойно распорядиться столь великим Даром. И приводил Темный к тому многочисленные доводы, но даже его искусство в хитросплетении мыслей не помогло убедить двоих Со-Творителей, которых позднее стали именовать Пресветлыми. И тогда Темный, гордыня которого была столь же велика, как и его искусство творения, изрек: нельзя допустить, чтобы слабое духом и нестойкое к искушениям человечество обрело отблеск Со-Творителей. И вмешался Темный в законы мира, ибо был он Со-Творителем, и лишил людей возможности обрести этот отблеск. И прогневались оставшиеся двое Со-Творителей, и изменили они, в свою очередь, законы мира, однако невозможно было преодолеть силу воли Темного полностью, но лишь частично.

С тех пор не все люди могут владеть магией. И тогда Темный, искусный в хитросплетениях мыслей, изрек: согласен он поклясться Светом Истинным, что не станет более вмешиваться в законы мира, если двое других Со-Творителей поклянутся в том же. И вот поклялись все трое, и не меняли они с тех пор законы этого мира. Но Темный, искусный в хитросплетениях мыслей, не давал клятвы в том, что не будет вмешиваться в дела мира, и с тех пор изменял он волею своею события в мире, не изменяя законов такового, и двое других Со-Творителей, видя это, делали то же самое...

Голос собеседницы снова изменился: стал прежним.

— Вот, Профес, это наиболее древнее известное мне сказание о Пресветлых. Очень краткое изложение, повторяю. Но с тех пор понимание сущности Пресветлых... несколько изменилось.

Да уж, не так все просто обстоит с религией. Впрочем, какая там религия — это политика. Тут очень есть над чем подумать.

— Скажите, а есть ли доказанные случаи вмешательства... вышних сил в дела людей?

Невеселая усмешка.

— И да, и нет. Вы, должно быть, заметили, что люди дают клятвы и не нарушают их? Было давнее исследование, что нарушители клятв... это, правда, происходит далеко не всегда... короче, с ними чаще обычного случается нечто неприятное, хотя полностью соответствующее законам природы. Ничего сверхъестественного: падение ветки дерева на голову, внезапный обвал на горной дороге, серьезная болезнь... в общем, тут к клятвам относятся серьезно, хотя никому еще не удалось предсказать точно, каким образом отзовется на клятвопреступнике его деяние. С научной точки зрения работа была сделана весьма аккуратно, хотя из нее так и не удалось сотворить магистерскую диссертацию. Магии она не касалась, сами понимаете. С тех пор подобные исследования не велись.

Очень даже понимаю ситуацию.

— Какова роль служителей и храмов Пресветлых?

— Ритуальная, конечно, — праздники там, творение просьб, обряды — а еще борьба с (непонятное слово).

Понадобилось всего пять минут для того, чтобы понять:

имелись в виду ереси. Это заинтересовало, и я попросил объяснений.

— Самой известной является ересь Хириса. Она вообще отрицает существование Пресветлых и Темного. Вместо этого предполагается, что, творя просьбы Пресветлым или, скажем, клятвы, люди (даже не будучи магами) вносят возмущения в магическое поле мира. О магах и говорить нечего. Ну, дальнейшее понятно. Впрочем, есть ереси, с которыми не борются, но стараются не упоминать. Вот, к примеру, ересь Морана, согласно которой ни подтвердить, ни опровергнуть существование Пресветлых и Темного рациональными рассуждениями невозможно. Между тем официальная позиция, как вы понимаете, состоит в том, что существование и Пресветлых, и Темного не подлежит ни малейшему сомнению...

Почему борются — понятно; я бы удивился отсутствию борьбы. А вот пассивность в отношении ереси Морана не вполне объяснима. Впрочем, наклеиваются кое-какие мысли...

— А в чем заключается борьба?

— Очень просто: в храмах объявляют, что такие-то воззрения суть ересь. И этого достаточно, чтобы главные еретики лишились практически всех последователей. Но через какой-то срок ересь снова обзаводится поклонниками. Дальнейшие действия понятны?

Вполне понятны. Вот еще доказательство, что здешняя религия являет собой силу.

— Служители, надо думать, не маги?

— В древние эпохи они ими были. В настоящее время — нет. По крайней мере, сами служители постоянно утверждают, что не имеют магических способностей. И живут они скромно...

Будь они магами — не пошли бы в служители. Экономика правит миром, не мной первым замечено, но эту мысль я не выпустил из рта.

— ...и все же лично у меня впечатление, что некоторой долей способностей они обладают. Как бы лучше объяснить... вот, например, Ирина: магического дарования нет и не было, но влиять на потоки внутри тела все же может.

Вывод очевиден: мне, как я и предполагал, надлежит стонуться храмов Пресветлых и их служителей. Во избежание. И не придется нам с Иришкой венчаться в храме...

Пока я думал над следующим вопросом, Моана, как обычно, проявила свои аналитические умения:

— Прикидываете, какова роль Пресветлых в том, что вы оказались в этом мире? Уверюю, я сама размышляла на эту тему. И знаете, каков был вывод?

Вопрос был риторическим, но я не поленился на него ответить:

— Знаю. Вам не удалось доказать ничего.

— Верно. Есть доводы в пользу как Пресветлых, так и Темного. Скажем так: Пресветлым вы нужны, поскольку под вашим влиянием у магического общества появляется возможность выйти из застоя, куда оно само себя загнало, а Темному предпочтительно развитие немагических технологий — опять же вашими усилиями. Заметьте, при этом остаются в стороне другие сущности, о которых вовсе ничего не известно.

Подобный ответ я предвидел, но был от него не в восторге, поскольку не оставалось никаких видимых путей, ведущих к возвращению в мой мир. Но вопросы все еще были. Понимая, что нельзя объять необъятное, я спросил:

— Что вы знаете о знаках Пресветлых, которые возлагаются на голову?

Собеседница фыркнула.

— Новейшее поверье, ему нет и пяти тысяч лет. По иронии судьбы, оно появилось как результат научной работы: проверялась возможность искусственного взращивания таланта в людях. Доказать удалось лишь то, что появление подобных свойств не поддается ни управлению, ни прогнозу. Даже не скажу, кто первый пустил мысль насчет Знака, но точно после этого исследования. Связь Знака и магических способностей декларировали и того позже. И очень скоро в храмах объявили, что так дело и обстоит.

— А Темный что — не может возложить Знак?

Ядовитая ухмылка.

— Вот ЭТО считается ересью. Каноническое толкование: Темный может отметить человека, лишь плюнув на него. Разумеется, такая отметка не идет на пользу оплеванному.

Похоже, у моей собеседницы натянутые отношения с официальной религией. Хотя в само существование Со-Творителей она, видимо, верит.

Сцена, которую я видеть никак не мог

— Я собрал вас, господа, с тем, чтобы сообщить пренеприятное известие. Наши контрагенты обвинили нас в предоставлении им неверной информации, по причине чего наш заказ не был выполнен; точнее сказать, они приостановили его выполнение.

Пауза.

— Первый, мне кажется, вам следует довести до нас подробности.

— Извольте. Исполнители ориентировались на сведения, согласно которым объект не владеет магией смерти. Однако в ходе акции выяснилось, что объект имеет в распоряжении высокоэффективные щиты, позволившие отразить «Серое копьё», а также контрзаклинания, уничтожившие сначала «Серого всадника», а потом и «капитана».

Сидевшие за столом обменялись взглядами, после чего один из них выразил общее мнение:

— Поясните, как именно объект справился с этой задачей.

— Он сжег все вышеперечисленное.

Небольшая пауза.

— Насколько мне известно, ничего из упомянутого вами сжечь вообще нельзя.

— Подтверждаю. Моя вторая специальность — магия огня. Со всей ответственностью могу заявить: она практически не взаимодействует с магией смерти. Ну разве что при чудовищной плотности потоков...

— Это не имеет значения, коль скоро объект в самом деле применил нечто действенное.

— Вы сомневаетесь в этом?

— Отнюдь. Но у меня появился резонный вопрос: какие потери понесли исполнители?

— Никаких.

— Тогда откуда претензии?

— Потеря времени ценных специалистов.

— В таком случае ознакомьте нас с расценками.

— Благоволите взглянуть.

Шуршание бумаги. Хмыканье.

— Это почти на уровне доктора магии жизни. Я начинаю сомневаться, стоит ли ожидаемый результат подобных расходов.

— С вашего позволения, это не все новости. У меня была беседа с Высоким.

Многозначительная пауза.

— Он весьма настойчиво рекомендовал нам продолжить выполнение прежнего плана. По его уверениям, именно сейчас политическая ситуация этого требует. Прошу высказываться. Второй, кажется, у вас были мысли на этот счет?

— Да, Первый. Моя позиция вам уже известна: я по-прежнему считаю, что с объектом можно и нужно договориться. Однако если будет принято решение... о следовании принятому ранее плану, то вношу некоторое уточнение: у меня впечатление, что Высокий в этом крайне заинтересован. Поэтому будет лишь справедливо, если он возьмет на себя часть расходов. Скажем, одну шестую.

— Ваша мысль понятна. Третий, каково ваше мнение?

— Сначала вопрос, если позволите. Скажите, Высокий дал вам более подробное обоснование своего мнения?

— Я его спросил об этом. Ответ был: это внутреннее дело гильдии магов.

— В таком случае поддерживаю позицию Второго, но с поправкой: мне кажется, шестая доля слишком мала. Четверть — вот более реальная цифра. Кстати, Высокий может это себе позволить.

— Принято во внимание. Четвертый, вам слово.

— Из сказанного ранее я делаю свой вывод: объект еще более опасен и непредсказуем, чем мы полагали. Именно поэтому я остаюсь на прежней точке зрения: он должен быть уничтожен. Безусловно, денежная поддержка Высокого не повредит, но даже в ее отсутствие настаиваю на выполнении нашего плана.

— С вашей позицией ясно. Пятый, что вы думаете?

— Полностью согласен с Четвертым. Напоминаю, что известно несколько случаев — лично я знаю четыре, — когда подобные акции были успешно проведены применительно к сильным магам. Наши исполнители — профессионалы, у них обширный опыт. А редкие умения должны оплачиваться... достойно. Но при всем этом нам следовало бы разузнать, какие именно факты лежат в основе позиции Высокого.

— Большое спасибо. Что до меня, я также полагаю, что денежная поддержка от Высокого была бы справедливым вкла-

дом в решение нашей общей проблемы. По его же словам, в настоящее время именно он является наиболее заинтересованной стороной. В отсутствие упомянутого вклада у нас возникают серьезные сомнения в целесообразности проведения акции. Эта позиция будет доведена до Высокого, позвольте вас уверить. Само собой, переговоры я беру на себя. Я сам также займусь выяснением причин столь твердой позиции Высокого относительно объекта. Но и вы, господа, постарайтесь задействовать свои каналы получения информации. Кто-то еще желает высказаться? Нет? В таком случае, всего вам Пресветлого.

Я посчитал, что наблюдатели в такую погоду не вздумают занять позиции, и, следовательно, есть полный резон установить наши сигналки. Но тут меня ждал облом. Оказалось, что амулеты не готовы. Я сам не знал, а мои маги не предполагали, что программирование парных амулетов — то есть зарядка такими заклинаниями, чтобы реагировал лишь один индикатор на карте, — займет столько времени. Предполагалось, что на создание пары «сигналка-индикатор» уйдет час работы. Разумеется, прогноз оказался до неприличия оптимистическим. В результате на полный набор амулетов ушло целых два дня. Лишь в самом конце работы я додумался, что надо делать как можно более близкие по размеру и по форме кристаллы для пары, и это сильно облегчило труд. А мои орлы не догадались до такого лишь потому, что были твердо убеждены: одинаковых кристаллов в природе не существует.

Дождь упорно продолжал лить. И тут Тарек предложил воспользоваться тем, что и на третий день небо явно предвещало такую же погоду. Он прикинул, что следы просто смоеет. Я, в свою очередь, подумал, что тем, кто будет устанавливать сигналки, придется налить, и не стаканчик, а полноценный стакан. И не какого-нибудь простого напитка, а лечебного.

Моана пренебрегла погодой и довела до моего сведения, что намерена быть на собрании гильдии магов. Дорога до города была в неплохом состоянии. Лишь в самый последний момент я проглотил предупреждение о возможной простуде, которое по глупости чуть не выдал вслух. Но, конечно, она выехала при полном наборе кристаллов и установленных щитах.

Еще одна сцена, которую я видеть никак не мог

То, что академик Тофар-ун хочет переговорить, Моану не удивило. Но ей стоило большого труда сохранить невозмутимость, когда она услышала:

— Дорогая Моана, у меня к вам будет необычная просьба.

— Со всем вниманием слушаю.

Последовал рассказ о том, что Первый академик намерен представить кандидатуру с Юга на вакантное место, образовавшееся в результате гибели академика Рухим-ага. Глава аналитической службы не поленился в подробностях передать решительно всю информацию, какую только удалось накопать на высокопочтенного Хассан-орта.

Закончил же почтеннейший следующим пассажем:

— Принужден сознаться, дорогая Моана, что не только мои сотрудники, но и я сам оказался в полном тупике. Мы не можем понять причины выбора этого человека. И рассчитываю я лишь на вашу изумляющую всех проницательность.

Лесть не сработала в той мере, на которую рассчитывал академик. Больше того, ее действие было скорее обратным ожидаемому. Ответ был произнесен нарочито сухим тоном:

— Вы, Тофар, являетесь крайне заинтересованным лицом, в этом не сомневаюсь. Ваша группа вкупе с вами оказалась в тупике — и такое могу представить. Но вот что находится за пределами моего понимания: с какой стати мне влезать, пусть и в минимальной степени, во внутриакадемические свары? Вы с вашим аналитическим опытом легко поймете, что мне это ни в какой мере не нужно. Если же я не права, то объясните, сделайте милость, в чем именно.

— Ваше возражение я предвидел...

Эти слова были лишь наполовину враньем. Тофар-ун был неплохим аналитиком (хотя и не столь блестящим, каким себя воображал). Он и в самом деле подумал, что Моана согласится не сразу, а вот мотивировку не угадал.

— ...и могу на это сказать вот что. Я предлагаю вам оказать мне услугу, и эта услуга потребует от вас высоких умений и даже таланта. Я же, со своей стороны, берусь хорошо оплатить подобную работу. Если вы подумали, что я предложу вам место в своей команде, то ошиблись. Мне совершенно ясно, что в качестве, скажем так, внештатного сотрудника ваша ценность много выше.

Почтеннейший замолчал, явно ожидая ответной реплики.

— Сейчас я не отвечу ни да, ни нет. Но для размышлений мне понадобится знать ваши условия.

— Будь то год тому назад, я бы предложил вам превосходный кристалл: зеленый корунд, очень редкий. Вот он.

Про себя госпожа доктор магии жизни решила, что корунд и вправду хорош: без явных внутренних дефектов, прозрачный, длиной почти два дюйма. Пожалуй, двадцать семь, а то и тридцать золотых, если покупать у Морад-ара. И тут же Моана сочла, что наступил подходящий момент для мимолетного подсовывания изящной дезинформации.

— Вы правы, кристалл редкий. Насколько мне известно, у командира всего лишь один подобный; правда, тот меньшего размера. Корунды он покупает через посредника. Видите ли, у командира нет в распоряжении месторождений кристаллов корунда: только кварц и гранаты. Но вы, говоря о вознаграждении, имели в виду нечто иное — не так ли?

— Совершенно верно. Сейчас сложилась чрезвычайно выгодная ситуация: в связи с выбором академика освободится место кандидата в академики. И оно может стать вашим.

Моана чуть задумалась.

— Какие у вас основания полагать, что мою кандидатуру поддержат?

— Причина простая: группа магов жизни продемонстрировала силу своего влияния до и во время поединка вашего мужа с Рухим-агом. Ну и моя поддержка, сами понимаете. Сколько времени вам нужно на раздумья?

Моанино лицо изобразило напряженную работу мысли.

— Скажем, неделя. Сделка?

— Сделка.

ГЛАВА 4

К моему удивлению, создание «ловчей сети» (это название предложил Шахур) из сигнальных амулетов пошло без заметных происшествий. Тот же Шахур даже внес рационализаторское предложение: для привлечения внимания при любом срабатывании амулета звучал магический «звонок». Обошлось это нам в дополнительный кристалл галенита и

аметист. И Тарек тоже оказался прав: дождь упорно лил. Это во всех смыслах шло на пользу: уничтожались следы установки амулетов, а у меня появились возможности поразмышлять о том, что способны предпринять враги в качестве ответного действия. Разумеется, наши занятия с Ирой и с малышкой Натой никто не отменял.

Контингент слушателей занятий тоже изменился. Ирочка появилась в компании с Хаорой, и та, явно тушуясь перед авторитетом начальницы, все же попросила моего разрешения присутствовать на занятиях по химии. Разумеется, я ничего не имел против. На первом же занятии оказалось, что новая студентка ведет конспект. Вот это было ценным. Привыкнув, что Ира все запоминает, я как-то не подумал, что подобные записи могут оказаться полезными сами по себе. Ведь Хаора, как я тут же убедился, делала записи самым простым языком, а в будущем такое могут оценить многие.

Когда же с занятиями было покончено, я снова стал анализировать наиболее вероятные действия противника. И вновь возникло неожиданное препятствие.

На этот раз порядок нарушил Сафар. Он нарисовался на пороге комнаты и самым будничным голосом сказал:

— Вот.

На ладони у него был уже не кристалл — драгоценный камень. Именно так я подумал. До того драгоценный, что мне нестерпимо захотелось вымыть руки, прежде чем взять его.

Циркон не был чистой воды: зеленоватый оттенок существовал. Но огранка! Ею нельзя было налюбоваться. Огрехи если и были, то невидимые. Впрочем, их отсутствие, полагаю, объяснялось лишь моим невежеством. И я попросил вызвать пару моих главных знатоков.

Вопрос был поставлен с дубовой целеустремленностью:

— Что скажете об этом?

В течение трех минут в комнате не прозвучало ни слова. Потом заговорил Сарат. Голос у него был сугубо деловитым:

— С ходу сказать ничего нельзя. Мне понадобится не меньше шести часов для всесторонней оценки кристалла.

— Мне меньше: часа два. Но...

Заминка. Я успел подумать, что сейчас Моана начнет рассуждать о соответствии кристалла каким-то школам магии — и не угадал.

— ...признаюсь, мне бы не хотелось использовать этот циркон для усиления собственной магической силы, или как амулет, или... короче, больше всего я бы желала использовать его как украшение. Например, вставить в браслет.

Я глянул на Сарата и понял, что тот не отслеживает выражения своего лица. Подозреваю, что он подумал то же самое обо мне. Конечно же указанные выводы не остались тайной для нашего лучшего аналитика.

— Мальчики...

Вот это слово я от нее слышал в первый раз. Но удивиться мне не дали.

— ...ход ваших мыслей мне очевиден. Вы оба не правы. ХОЧУ что-то сделать вовсе не означает, что я это СДЕЛАЮ. Надеюсь, понятно?

Мне не было понятно. Но следовало дождаться объяснений.

— Так что при всей красоте камня использоваться он будет лишь как магический артефакт. И он, и его аналоги. Но...

Многозначительная пауза.

— ...лишь под хорошим ключом. И еще защита: замыкание на владельца. Емкости хватит с избытком.

Всем было понятно, кроме меня и Сафара. Даже Сарат осознал это и пустился в объяснения:

— Ключ — это... в общем, тайное слово, без знания которого не распознать структуру заклинаний в амулете...

Пароль, короче. Дело насквозь знакомое. Хотя и немного странно: я-то думал, что пароли применимы лишь к цифровым системам записи.

— ...а замыкание на владельца — связь кристалла с магополем владельца, исключая возможность использования кристалла посторонним. Например, если кристалл украдут, то вор все равно не сможет его использовать. И это в лучшем случае, а в худшем хозяин может предусмотреть что-то такое... очень неприятное для вора. Но применимо лишь к высокоценным... я хочу сказать высокочастотным кристаллам, поскольку защита сама по себе требует известной магоемкости кристалла. И добавь еще затраты энергии на создание такой структуры.

Надо было переводить в разговор в деловую плоскость, и я это сделал:

— Как понимаю, владельцем этого кристалла станете вы, Моана...

— ...а тебе достанется тот, что голубоватый, — подхватила та, обращаясь к мужу, — и еще понадобятся для младших магов. Но прежде...

Женщина подошла к Сафару, чмокнула его в щеку, а потом проделала то же самое со мной. Растерявшись от столь неожиданной выходки, я лепетнул нечто вроде: «Я тут ни при чем, это Сафар делал», — в ответ на что мне указали на предложенную мной термообработку.

Подумалось, что придется прослушать еще лекцию из курса практической магии, но эту мысль пришлось отложить на потом, ибо парочка удалилась, шепотом переговариваясь относительно каких-то магических тонкостей.

— Ладно. Сафар, ты слышал: тебе предстоит еще сделать нечто подобное из голубоватого циркона.

Глядя на реакцию гранильщика, я живо представил себе морду лошади, по ошибке съевшей лимон.

— Тяжелый материал для работы, командир...

— Стоп. Тащи его сюда, посмотрим вместе.

Сафар вернулся через три минуты.

— А теперь выкладывай свои соображения.

— Смотри, вроде бы как и чистый кристалл...

Имелся в виду, конечно, «прозрачный».

— ...но здесь вот... то ли трещина, то ли включение какое...

Парень прав, и даже хуже того: я сам не в состоянии определить, что это за штуковина. Неметаллический кристалл, а нас все же ориентировали на металлы.

— ...вот почему я из осторожности разрезал бы вот по этой плоскости. Ну и пусть получатся два кристалла, зато без дефектов. Впрочем, можно отдать его на анализ к Сарату. Уж он точно может определить, как магия себя ведет.

— Будь по-твоему. Но ведь у тебя еще были цирконы.

— Да, почти такого же размера, и качество вроде хорошее, но розоватые.

— Тогда задание вот какое: возьмешь розовый побольше и этот голубой тоже, отнесешь на оценку Сарату. Пусть он решит, что ему больше подходит. В конце концов, для него и делаем.

Так, и с этим покончено. Что еще? А то, что я так и не решил главную задачу: что именно могут предпринять неве-

домый мне заказчик и чуть более вѣдомые исполнители. Но мне так и не удалось переключить мозги на эту тему. Дверь раскрылась, и снова появилась Моана. Мне показалось, что вид у нее смущенный.

— Вы нужны как аналитик, Профес...

Разумеется, к подобному заявлению я отнесся с осторожностью, чтобы не сказать больше.

— ...вот какой разговор у меня был с академиком Тофар-уном...

Последовал почти дословный пересказ беседы, благо память моей собеседницы действовала отменно.

— Дайте подумать...

В поставленной задаче скрываются две. Первая понятна: определить причины выбора этого южанина в качестве основного претендента на академический пост. Вторая менее очевидна: почему Моана меня подключает к решению первой?

В умении анализировать она меня опережает, без вопросов. По части узелков здешней академической политики ее знания тоже много больше моих. И все же она просит о помощи. Значит, имеется некая область, где я понимаю лучше; какая-то тонкость... А в чем я сильнее? В математике, физике, химии, науке о кристаллах, геологии... Ни о чем таком речь не шла. Впрочем... источник состояния этого Хассана — рудники полиметаллов и плавильное производство. Теперь, по крайней мере, понятно, зачем привлекли меня. Рудники... эти руды встречаются в магматических породах. И что мне это дает? В таких же породах можно найти также хорошие кристаллы. Гранаты, скажем, или корунды. Стоп. Тут есть разница. Производство меди, свинца или цинка — такое не спрячешь. Попробуй-ка скрыть горы отвалов или дымящие печи! Да и сам продукт: для его вывоза целую транспортную систему налаживать надо. А вот кристаллы... их в одном вьюке увезти можно. Тайная добыча кристаллов? Смысл? Подкуп Первого академика? Не такая уж глупая идея, если камушки и вправду хороши. Особенно с учетом общего дефицита кристаллов, который, по словам Моаны, проявляется все сильнее. И который открывает широкие возможности для распорядителя этим дефицитом; уж это я знаю. Идея хороша, а вот с фактами плохо. Ну и что? Для Тофар-уна важны не факты, а понимание — чай, не для прокурора матерьяльчик подбирает-

ся. И тут я появляюсь на рынке со своими гранатами... Ведь прямая конкуренция — если и вправду речь идет о гранатах. А если там добывают корунды? Тогда... неизвестно. Нужно сравнивать корунды с родной поверхностью и гранаты с моей огранкой — или с нашей — по магическим характеристикам. И по цене. А я ни в том, ни в другом толком не разбираюсь. Вот здесь нужны мои маги.

Осознав последнюю мысль, я с удивлением обнаружил, что шагаю по комнате взад-вперед, бормоча про себя, а Моана смиренно сидит себе на стуле и терпеливо ожидает, пока я закончу бредить наяву. Да и поза у нее: руки на коленях, глаза устремлены на мою особу — ну точно примерная школьница.

Все аналитические выкладки я изложил ей, закончив так:

— Я прекрасно понимаю, что фактов у меня мало. И все же эта гипотеза имеет право на существование. Просто я уже видел, как легко те, кто имеет доступ к ценностям, находят общий язык с теми, у кого власть. И еще соображение. Я долго искал и никак не мог найти ту группу, которой я стал поперек дороги, сам того не осознавая. И как раз сейчас подумал: что, если это производители высокоценных кристаллов? Но тогда нужно сравнивать магические свойства и цену наших и, так сказать, природных кристаллов. Но это уже за пределами моих знаний.

Ответ последовал очень быстро:

— Что касается цен — могу предоставить данные. А вот соотношение магических свойств... муж сделает такую оценку лучше и быстрее. Сейчас я его позову.

Сарат не подвел; он даже сделал больше, чем от него ожидалось:

— Сравнить можно лишь рубин и красные гранаты. Если сапфир и танзанит — да, по специализации близки, но ведь танзаниты мы не продаем, верно? Так что... допустим, что рубин прозрачный и без дефектов... дюймовый обойдется от пятнадцати до семнадцати золотых. Если сравнить гранат в натуральной форме... ну, вы ее знаете... но с нашей полировкой, то это... скажем, восемь десятых дюйма в поперечнике... я бы такой продал Морад-ару за девять золотых и пятьдесят сребреников, а вот если у него же купить, то никак не меньше двенадцати выйдет. Да еще придется поторговаться.

Супруга скептически помахала челкой:

— Насчет граната соглашусь, а вот рубин, если без внутренних трещин и включений, то не меньше восемнадцати. Впрочем, от формы зависит... ну хорошо, от шестнадцати до двадцати. Теперь, если сравнить общую стойкость...

Муженек блистал и распускал перья:

— Гранат нашей работы еще можно оценить по долговечности, а вот рубин — нетушки, от состояния граней очень сильно зависит. Для очень хорошей поверхности — один раз я видел такой кристалл — может быть даже чуть более долговечным, чем наше изделие... круглым счетом, процентов на двадцать. А вот для более дешевых могу смело положить меньшую долговечность на те же самые двадцать процентов.

Моана демонстрировала такую кротость и покладистость, что мне стало страшновато:

— Конечно, ты прав, дорогой. Природные рубины с хорошей поверхностью — большая редкость, хотя такие я тоже видела... несколько раз...

С этого момента ее голос стал очень деловым.

— ...так что, с вашего позволения, я сделаю выводы. В принципе шахты высокопочтенного Хассан-орта МОГУТ быть источником кристаллов первого класса. И в этом случае наша команда — его прямой конкурент даже с учетом того, что мы подобными кристаллами не торгуем...

Моя паранойя радостно прыгала на одной ножке и визжала: «Вот он! Вот мотив! Вот кому ты испортил обедню!» — и прочее в том же духе. Но мне куда важнее было мнение нашего все еще лучшего аналитика.

— ...так что, возможно, мы ответили на вопрос почтеннейшего Тофар-уна. Еще добавлю, что Первый академик вполне может быть... не скажу «куплен», но уж точно заинтересован в этом владельце рудников. Напоминаю, за решение этой проблемы мне обещано вознаграждение: очень хороший кристалл или ранг кандидата в академики. Но возникает вопрос: а что нужнее команде?

— Можно слово? Мне кажется, что уж чем-чем, а кристаллами мы тебя и сами можем обеспечить. Еще неизвестно, чьи лучше будут. А вот кандидат в академики — это... это...

Сарат явно не мог подобрать нужное слово, но все же вывернулся:

— ...одним словом, это нужнее.

Тут мне пришла в голову дополнительная мысль, которую и высказал:

— Напоминаю вам, Моана: ранг кандидата останется с вами, даже когда меня не будет. И еще есть соображение: вы без проблем сможете создать свою группу. Разведка и анализ, понимаете? И полностью независимую от нашей.

Сказано было несколько сумбурно, но умная Моана поняла намного больше, чем прозвучало. Она с очевидностью собралась что-то высказать на эту тему, но тут монотонно, с каким-то идиотическим безразличием прозвучало:

— Есть идея. Безумная, но надо бы проверить. Что, если Хассан — вовсе не Хассан, а... команда?

Паранойя не помешала мне отреагировать быстро и без проблеска ума:

— Нам-то что с этого?

— Отслеживание связей и контактов.

Тут рассуждения мужа были прерваны женой:

— В команде может найтись слабое звено. А нам это и нужно.

— Пусть Тофар проверит деловые связи Хассана. Отсюда много чего узнать можно... если есть чего узнавать.

А ведь идея стоящая. Не все нам одним пахать.

— Так, ребята, умных мыслей вы накидали полный сундук. Из них я делаю следующие выводы. При следующей встрече с Тофаром вы, Моана, изложите наше заключение по южанину. От кристалла, мне кажется, следует отказаться, от кандидатства — нет. В дополнение предложите Тофару выявить связи и контакты. И вот еще что: вы правильно сказали, что в команде может найтись слабое звено. И в нашей тоже. Подумайте над этим.

И сам я тоже должен подумать. Есть ли смысл для противников уничтожать моих людей, тратя при этом ресурсы? МОЖЕТ быть, вот правильный ответ. Значит, надо думать о защите для всех, кто ездит. Стоп. И для тех, кто в поместье, тоже. Сигналки вокруг дома? Собаки? Подумать, что еще можно сделать... Научить женщин обращаться с пистолетом. Нет, не так. Для начала создать пистолеты под женскую руку. А для кого? Моане не надо, у нее и так хватит способностей отбиться. Иришке — точно, еще Арзане. Хаора тоже иногда ездит. И все, остальные не покидают поместье. Пусть даже это

будет пистолетик с небольшой дульной энергией, что-то вроде коровинского. Не забыть устроить тренировки.

И я вызвал Хорота.

Сцена, которую я видеть никак не мог

— Доброго вам дня.

— И вам.

— Я попросил вас о встрече по причине вопроса, на который, видимо, можете ответить только вы... или скорее проблемы.

— Я вас слушаю.

— Речь пойдет об операции по устранению нашего конкурента, на которой совсем недавно настояли вы. Она прошла неудачно, как вам уже известно. Исполнители требуют повышенной платы, в противном случае они откажутся от заказа. Мы полагаем вас весьма заинтересованной стороной. Соответственно, часть расходов должна лечь на вас.

— А если я откажусь платить?

— Тогда мы отменим заказ и попытаемся договориться с объектом.

— Договориться о чем?

— О разделе рынка.

— Цены на продукцию упадут. Это вызовет денежные потери.

— Предполагаем, что они будут меньше, чем возможные потери от бесплодных операций по устранению этого человека.

— Иначе говоря, вы хотите уменьшить ваш риск за мои деньги.

— По нашему общему мнению, рисковать должны все участники, а не только мы.

— Допустим, я соглашусь. О какой сумме идет речь?

— Я не желаю быть голословным. Вот счет, что нам выставили исполнители. Мы полагаем, что треть будет вполне справедливым взносом.

Пауза.

— Вы с ума сошли. Это гигантская сумма. Напоминаю, моя доля доходов много ниже. Не вижу причин, почему моя доля накладных расходов должна быть такой высокой. Одна десятая — вот это будет справедливо.